

19. Grek-Pabisowa, I. Słownik mówionej polszczyzny Północnokresowej / I. Grek-Pabisowa, M. Ostrówka, M. Jankowiak. – Warszawa : Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2017. – 1790 s.
20. Twain, M. Przygody Tomka Sawyera. tłum. Jan Biliński. Beskidzka Oficyna Wydawnicza, Bielsko-Biała. Biblioteka internetowa Wolne Lektury (on-line) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://wolnelektury.pl>. – Дата доступу : 10.10.2020.
21. Dumas, A. Trzej muszkietierowie. tłum. Nieznany. Tom II. Nakładem Biblioteki Rodzinnej, Warszawa 1927. Wydawca: Fundacja Nowoczesna Polska. Reboos, 2018 Biblioteka internetowa Wolne Lektury (on-line) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://wolnelektury.pl>. – Дата доступу : 10.10.2020.

The article is dedicated to the analysis of phraseological unit “п’яны / напiцца як Бэля / бэля” [pjany / napicca jak Belja / belja], mutual language heritage of Poles, Belarusians and Ukrainians. The author compares the existing Belarusian linguistic hypotheses with Polish sources and information included in G. Ilkevich’s dictionary “Idioms and riddles of Halychyna” (1841). Analyzed material enables different interpretations of the substantive component: as a proper name or a name of an object. The idiom of Polish origin underwent long development in both Belarusian and Ukrainian language and as a result the proper name was forgotten and changed to a word with unspecified meaning.

Keywords: comparative phraseology, idiom, Belarusian, Ukrainian, Polish, [pjany / napicca jak Belja / belja] (напiцца як Бэля / бэля).

УДК 811.161.1’373.7

И. О. Ковалевич

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ В РЕЧИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО И ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей функционирования фразеологических единиц в речи детей дошкольного и школьного возраста в контексте развития творческих способностей и образного мышления. Анализируются способы и направления трансформации узуальных фразеологизмов и паремий в соответствии с механизмами речевого становления.

Ключевые слова: фразеологизм, паремия, трансформация, творчество, образность.

Интерес к речи детей, и в частности к их словесному творчеству, начал проявляться с конца XIX – начала XX века (А. Александров, В. П. Вахтеров, Н. И. Гаврилова, В. Гришакова, Н. А. Рыбников и др.). Первым значительным трудом по проблемам речи дошкольников стала книга К. И. Чуковского «Маленькие дети», изданная в 1928 г. и впоследствии получившая распространение под заглавием «От двух до пяти». Данная монография вызвала большой резонанс тем, что раскрыла сложный характер речевого становления, ключевым моментом которого является речевое творчество, проявляющееся в продуцировании уникальных по форме и содержанию лексических единиц и выражений.

В настоящее время детское речевое творчество исследуется в следующих направлениях: психолингвистическом (А. А. Залевская, А. В. Запорожец, Т. Н. Ушакова, А. М. Шахнарович, Н. Х. Швачкин, Д. Б. Эльконин, Н. М. Юрьева и др.), лингвометодическом (Ф. А. Сохин, А. Г. Тамбовцева (Арушанова), О. С. Ушакова и др.) и деривационно-словообразовательном (А. Н. Гвоздев, Т. А. Гридина, С. Н. Цейтлин, В. К. Харченко и др.). При этом ученые всё больше затрагивают вопросы усвоения детьми переносного значения лексических единиц, развития экспрессивной и образной речи и осознанного словесного творчества (Ю. В. Бестугина, Н. В. Гавриш, Т. А. Гридина,

М. Б. Елисеева, О. С. Ушакова, С. Н. Цейтлин, О. В. Шабалина, А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева и др.). По данным ряда исследований, формирование у детей способности к пониманию образных средств речи перерастает в способность к созданию собственных аналогов. Так, ученые отмечают, что умение образного осмысления метафорических словоупотреблений развивается у детей в 4–5 лет [1, с. 118]. Примерно в этот же период начинают создаваться и собственные метафоры (М. Б. Елисеева, О. В. Шабалина) [2, с. 66; 3, с. 10]. Материалы нашего исследования показывают, что одновременно с метафорами появляются и первые окказионализмы, обнаруживающие качества тропеической образности: – *Это потому/ что осень и грустно/ поэтому/ грустника!* (о бруснике) (5 л.); – *На улице сегодня просто крокодильские морозы!* (5–6 л.) [4, с. 28].

Творческие способности детей проявляются также при употреблении ими в речи фразеологических единиц, неотъемлемыми характеристиками которых являются идиоматичность, эмоциональная окрашенность, экспрессия и образность.

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей функционирования фразеологических единиц в речи детей дошкольного и школьного возраста в контексте развития у них способности образного видения окружающей реальности. Анализируются направления творческих преобразований узуальных фразеологизмов и паремий и последующее создание индивидуально-авторских идиоматических выражений по аналогии с известными. Источниками фактического материала послужили личные дневниковые записи, а также данные Интернет-сайтов (<https://det.org.ru>, <https://deti.mail.ru>).

Фразеологизмы привлекают внимание детей с самого раннего возраста, прежде всего необычной формой. По данным Ю. В. Бестугиной, процесс освоения фразеологического фонда языка начинается с трех лет [5, с. 11]. Услышав интересную и нестандартную конструкцию в речи взрослых, дети пытаются ее критически осмыслить. На первых порах фразеологические единицы подвергаются буквальному толкованию, в силу чего теряют присущую им семантическую двуплановость. Подобная особенность восприятия маленькими детьми образной семантики неоднократно отмечалась в работах исследователей (С. Н. Цейтлин, А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева). Неосознанное стремление к буквальному толкованию прослеживается в форме уточняющих вопросов, которые следуют за репликой-стимулом, содержащей фразеологизм: – *Когда мы переедем в новую квартиру?* – *Когда рак на горе свистнет// – А когда он свиснет?* – *Когда доберётся до горы// – А сейчас он ещё карабкается?* (4 г.); – *Доча/ чего нос повесила?* – *Куда повесила?* (4 г.) и др. Кроме того, дети могут воспроизводить фразеологизмы, ранее услышанные в речи взрослых, сопровождая их своими собственными комментариями. Подобные наивные умозаключения детей нередко вызывают улыбку на лице взрослого: – *Мама/ какие всё-таки опасные животные/ эти жабы// – Почему опасные?* – *А помнишь/ ты рассказывала/ когда мы были в Таиланде/ что тебя жаба задушит?* (4 г. 6 м.); – *Мама/ а правда/ что у некоторых девочек ноги растут от зубов?* – *Ну/ не у девочек/ а девушек// – А у меня?* – *У тебя нет// – Слава Богу// а то я всё думаю/ если зубы выпадут/ то что будет с ногами?* (5 л.) и др.

В детской речи нами выявлены многочисленные случаи преобразований узуальных фразеологизмов, результатом которых являются так называемые неофраземы. К числу наиболее распространенных относится лексическая трансформация, которая выражается в замене одного из элементов фразеологизма. При этом следует отметить тенденцию к замене лексемы по фонетическому принципу: – *Мама/ ты что/ белизны объелась?* (3 г. 8 м.) (в ответ на замечание). В данном примере мы наблюдаем преобразование фразеологизма *белены объесться* в значении ‘обезуметь, одуреть’ путем замены неизвестного ребенку компонента *белена* на известную лексику *белизна*. Однако такого рода ретимологизация, проявляющаяся в замене образной составляющей плана содержания узуального фразеологизма, не влечет за собой изменение его семантики, т. е. неофразама *белизны объесться* передает то же значение – ‘обезуметь, одуреть’. Нами зафиксированы также и другие примеры подобного преобразования фразеологи-

ческих единиц: – *У нас мама так вкусно готовит/ что пальчики обрежешь*// (3 г.) (сравн.: *пальчики оближешь* ‘о чём-то вкусном’); – *Да не ворочьте мне голову*// (3 г. 8 м.) (сравн.: *морочить голову* в значении ‘дурачить, обманывать’); – *Наелась самосвалом*// (4 г.) (сравн.: *наестся до отвала* в значении ‘наестся вдоволь’). Как видно из представленных примеров, данное явление по большей части характеризует речь дошкольников, хотя подобные случаи встречаются и в речи младших школьников: – *Ты меня довела до белого поколениа*// (8 л.) (сравн.: *довести до белого каления* в значении ‘привести в состояние крайнего раздражения, полной потери самообладания’).

Замена элементов узуального фразеологизма может быть результатом неверного членения конструкции на составляющие элементы с последующим сдвигом границы между лексическими единицами: – *Когда я ем/ я глух не ем*// (4 г.) (сравн.: ... *я глух и нем*); – *Труд создаёт/ [алень] разрушает*// (5 л.) (сравн.: ... *а лень разрушает*); – *Так скучно/ что хоть волка мой*// (7 л. 6 м.) (сравн.: *хоть волком вой* ‘о невыносимом и крайне тяжёлом состоянии’).

Не всегда лексические замены осуществляются по фонетическому принципу: – *Красота имеет жертв*// (6 л.) (сравн.: *красота требует жертв*); – *В чистоте/ да не в обиде*// (7 л.) (сравн.: *в тесноте, да не в обиде* ‘о тесном, но уютном месте’); – *Мама/ там такой ужас! Там ещё никто не валялся*// (9 л.) (описывая ситуацию затяжного ремонта) (сравн.: *конь ещё не валялся* ‘о чем-либо далеко до завершения’). Как правило, такого рода замены диктуются конкретной ситуацией, и ассоциации могут иметь ярко выраженный индивидуальный характер: – *Проще пареной кошки*// (5 л.) (сравн.: *проще пареной репы*).

Замена одного из элементов фразеологизма может осуществляться по принципу семантической полярности: – *Я на этом буду лежать до конца*// (6 л. 8 м.). В данном случае трансформации подвергается фразеологизм *стоять на своем* в значении ‘проявлять упрямство’. Компонент *стоять* заменяется на семантически противоположный компонент *лежать*. Кроме того, отмечается сокращение исходной конструкции. Рассмотрим еще один пример подобной замены: – *Мамочка/ ты добрее атомной войны*// (7 л.) (сравн.: *страшнее атомной войны* ‘о внешне некрасивом человеке’). Компонент с негативной оценочной коннотацией *страшный* заменяется на компонент *добрый*, реализующий положительное значение. Антонимичность данных лексем проявляется на уровне коннотаций, так как на денотативном уровне противопоставляются качества внешности и характера. Примечательно, что основу нового фразеологизма составляет противоречие, вызванное столкновением двух элементов с противоположными значениями, *добрый* и *атомная война*, последний из которых ассоциируется со злом, так как атомная война вызывает чудовищные последствия в виде разрушений и огромного количества жертв. Подобное семантическое столкновение создает эффект оксюморона. Однако у детей могут возникать совершенно иные ассоциации: компонент *атомная война* усиливает качество, обозначенное прилагательным *добрый* (сравн.: очень добрый).

Преобразование фразеологизмов может также сопровождаться окказиональным словообразованием, что значительно усиливает их экспрессивность: – *Когда я ем/ я глухомэн*// (4 г.) (сравн.: супермен и др.); – *Когда я ем/ я глухоед*// (4 г. 5 м.).

Добавление элементов в структуру узуальных фразеологизмов может привести к определенным изменениям в его семантике. Рассмотрим пример подобного преобразования: – *Мама/ давай побыстрее/ не тяни резину*// *Мамочка/ ну что ты тянешь резину из папы*// (8 л.). В данном случае мы наблюдаем расширение структуры идиоматического выражения *тянуть резину* в значении ‘медлить, мешкать’ за счет добавления предложного дополнения. Изменение семантики фразеологизма следует из характеристики глагольного действия в аспекте категории переходности / непереходности. В результате подобной трансформации фразеологизм *тянуть резину* реализует значение переходного глагола ‘заставлять ждать кого-либо’.

Еще одной интересной особенностью детского творчества в области фразеологии является создание контаминированных фразеологизмов. В целом склонность детей к лексической гибридизации проявляется в достаточно раннем возрасте (до 3 лет) и обуславливается особенностями их мышления: всё новое и неизвестное познается через хорошо известное. В данный период контаминация носит характер номинативной деятельности. По мнению Т. Н. Ушаковой, в детском сознании слова соотносятся по разным принципам, из числа которых ведущая роль отводится именно семантическим связям [6, с. 69]. Данное утверждение подкрепляет и проведенное нами исследование контаминированных окказионализмов из речи дошкольников, в результате которого было установлено, что в подавляющем большинстве случаев понятия соотносятся по принципу семантической тождественности и представляют собой совмещение начала первой основы и конца второй: *жираблюд* (жираф + верблюд) (3 г.), *пиндюк* (пингвин + индюк) (3 г.), *фонары* (фонарь + фары) (3 г. 5 м.), *безумительно* (безумно + изумительно) (4 г. 2 м.), *безбардак* (беспорядок + бардак) (4 г.), *пропоздать* (пропустить + опоздать) (4 г. 2 м.), *средельник* (среда + понедельник) (5 л.), *полицейонер* (полицейский + милиционер) (6 л.), *болтабесничать* (болтать + балбесничать) (6–7 л.) [4, с. 50]. Подобная тенденция сохраняется в области фразеологии: – *Чтобы играть в эту игру/ нужно иметь мозги на плечах*// (4 г. 6 м.) (сравн.: *иметь мозги* и *иметь голову на плечах* в значении ‘быть умным, уметь рассуждать’); – *У меня волосы стынут в жилах*// (4 г. 10 м.) (сравн.: *волосы дыбом* и *кровь стынет в жилах* в значении ‘испытывать страх, бояться’); – *Не валяйте чепуху*// (5 л.) (сравн.: *валять дурака* в значении ‘придуриваться, дурачиться, паясничать’ и *городить чепуху* в значении ‘говорить неправду’). Подобная особенность детского словотворчества отмечается также в работах С. Н. Цейтлин: *выбиться из кожи* (сравн.: *выбиться из сил* и *лезть из кожи*); *расположить кого-то в свою сторону* (сравн.: *расположить к себе* и *привлечь на свою сторону*); *ходить на струночках* (сравн.: *ходить по струнке* и *ходить на цыпочках*) [7, с. 206].

Нередко дети прибегают к парафразу идиоматического выражения с полным или частичным сохранением его семантики. При этом модификации фразеологизмов могут обуславливаться конкретной речевой ситуацией либо индивидуальными ассоциациями: – *Дорогу переходит ходящий*// (3 г.) (сравн.: *дорогу осилит идущий*); – *Переместитесь в мои мозги*// (4 г.) (сравн.: *поставить себя на чье-либо место*); – *Когда я глухоем/ за столом никто не разговаривает*// (4 г. 9 м.) (сравн.: *когда я ем, я глух и нем*); – *Будем спать с отбитыми ногами*// (5 л. 3 м.) (сравн.: *спать без задних ног*); – *Сначала дело/ потом аттракционы*// (6 л.) (сравн.: *делу время, потехе час*); – *Мама/ у тебя горло болит? – Болит// – А температура какая? – 37.9// – Ничего/ до осени доживешь*// (6 л.) (сравн.: *до свадьбы заживет*) и др.

Начиная со старшего дошкольного возраста, у детей отмечается особая тяга к переиначиванию паремий. Это объясняется тем, что подобные выражения обобщают социально-исторический опыт народа и имеют ярко выраженный дидактический характер. Сформулированные в виде пословиц и поговорок правила подвергаются критическому анализу со стороны детей и трактуются по-новому в соответствии с имеющимися у них знаниями. При этом трансформации подвергается, как правило, вторая часть паремии, которая связана с первой условно-следственными, каузально-следственными, каузально-временными, каузально-сравнительными, уступительно-следственными и иного рода отношениями: – *Тише едешь/ больше бензина в баке останется*// (5 л.); – *Глаза боятся/ а ноги бегут*// (7 л.); – *Глаза боятся/ а рот говорит*// (7 л.); – *Век живи/ век страдай*// (7 л.); – *Скуден день до вечера/ коли б не язык*// (7 л.); – *Встречают по одежке/ а провожают по обуви*// (8 л.); – *Встречают по одежке/ а провожают по кличке*// (8 л.); – *Любишь кататься/ люби и убираться*// (8 л.); – *Любишь кататься/ люби и дожидаться*//; – *Видит око/ да зуб шатается*// (8 л.); – *Вместе тесно/ а врозь широко*// (9 л.); – *Кто не рискует/ тот не ест мороженое*// (10 л.) и др. Из данных примеров видно, что некоторые трансформации обусловлены сугубо личными переживаниями: – *Видит око/ да зуб шатается*//. Следует

также отметить и возможное стремление к рифме: – *Любишь кататься/ люби и убираться//*; – *Любишь кататься/ люби и дожждаться//*.

По аналогии с узуальными дети могут создавать и свои собственные паремии. По сути, это их личные умозаключения, основанные на индивидуальном жизненном опыте: – *Кто спасибо сказать забывает/ того тиграм на обед отправляют//* (3 г.); – *Кто лук поедает/ тот совесть не теряет// Вот смотри/ мам/ ты лук любишь? – Нет// – Поэтому и совести у тебя нет//* (5 л.); – *В школу ходить/ оценкам вредит//*; – *Я скоро в школу пойду// – Да пока ты пойдешь/ мне скоро девять лет будет// – И что/ жениться будешь? – Человек без жены/ что дерево без гусеницы//* (7 л.); – *Мама/ я сегодня поняла// – Что? – Ну/ вот/ говорят/ собака/ друг человека// А я поняла/ что книга/ друг ума//* (8 л.) и др. Некоторые из представленных индивидуально-авторских паремий наделены ярко выраженной тропической образностью. Например, можно отметить случаи уподобления неживого объекта человеку (книга – друг ума), человека – объекту растительного и животного мира (мужчина – дерево, женщина – гусеница).

Таким образом, освоение детьми фразеологии представляет собой активный и творческий процесс, отражающий основные особенности речевого становления в целом: поиск внутренней формы, познание неизвестного через известное, сближение слов по принципу фонетического или семантического тождества, семантическое противопоставление, семантическая генерализация, образование по аналогии и др. – всё это обуславливает возможные трансформации узуальных фразеологизмов (лексические замены, вставки, парафраз и т. д.). По мере речевого развития меняется характер речевого творчества, которое проявляется в осознанном продуцировании фразеологизмов и паремий, в том числе и наделенных тропической образностью. Подобные высказывания отражают особенности детского мировосприятия во всем многообразии связей и отношений между объектами и явлениями окружающей действительности.

Список использованных источников

1. Шахнарович, А. М. К проблеме понимания метафоры / А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева // *Метафора в языке и тексте* / [В. Г. Гак и др.]; отв. ред. В. Н. Телия ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988. – С. 108–118.
2. Елисеева, М. Б. Фонетическое и лексическое развитие ребёнка раннего возраста / М. Б. Елисеева. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 172 с.
3. Шабалина, О. В. Структура и функционирование метафоры в детской речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. В. Шабалина ; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2007. – 21 с.
4. Ковалевич, И. О. Русское окказиональное словопроизводство в речи детей и взрослых (сравнительно-сопоставительный аспект) / И. О. Ковалевич, О. И. Ревуцкий. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2017. – 182 с.
5. Бестугина, Ю. В. Фразеология в речи дошкольников : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. В. Бестугина ; Иван. гос. ун-т. – Иваново, 2005. – 23 с.
6. Ушакова, Т. Н. О механизмах детского словотворчества / Т. Н. Ушакова // *Вопросы психологии*. – 1969. – № 1. – С. 62–73.
7. Цейтлин, С. Н. Язык и ребёнок: лингвистика детской речи / С. Н. Цейтлин. – М. : Владос, 2000. – 240 с.

The article is devoted to the study of the peculiarities of the functioning of phraseologisms in preschool and school children's speech in the context of the development of creativity and image thinking. The article presents the analysis of the ways and directions of the transformation of usual phraseologisms and proverbs in accordance with the mechanisms of speech formation.

Keywords: phraseologism, proverb, transformation, creativity, imagery.